

ДЕТСКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС В СОЦИОКОГНИТИВНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Каширина Александра Леонидовна

преподаватель-стажер кафедры романо-германской филологии
Могилевского государственного университета имени А. А.Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Данная статья посвящена рассмотрению социокогнитивного плана реализации детской религиозной прессы на материале белорусскоязычных печатных источников. В статье изложены результаты анализа вербализации контекстных моделей, где основное внимание уделяется заголовкам публицистических религиозных текстов.

Ключевые слова: религиозный дискурс, контекстная модель, гранулярность, дескрипция, агент, пациент.

This article considers the sociocognitive plan in the realization of children's religious press based on the material of Belarusian-language printed sources. The article presents the results of the analysis of the verbalization of contextual models, focusing on the headlines.

Keywords: religious discourse, context model, granularity, description, agent, patient.

Контекстные модели являются ключевыми в производстве и понимании дискурса. При помощи их говорящие на определенном языке могут адаптировать дискурс к коммуникативной ситуации. Анализ смыслов способствует установлению значимости элементов контекстных моделей участников дискурса. Контекстные модели субъективно представляют соответствующие аспекты текущих коммуникативных ситуаций, играют важную роль в устройстве знаний, которые постоянно определяют то, что получатели знаний (вероятно) уже имеют: общее основание [1, с. 7]. Такие модели позволяют социолингвистическому исследованию рассматривать процесс их изменения за пределами изучения корреляций с социальными переменными и в то же время уделять больше внимания социальному влиянию на дискурсивные структуры [2, с. 8].

Данный угол исследования белорусскоязычного религиозного дискурса является не сформировавшимся, что обуславливает направление настоящего исследования.

Религиозный дискурс – особый тип коммуникации, религиозная картина мира индивида с его ценностями, вербализуемая в каком-либо тексте.

Л. З. Кулова называет следующие основные функции религиозного дискурса в СМИ: «1) пропаганда (интеграция адресата в предлагаемую систему религиозных установок); 2) наставничество (взаимодействие адресанта и реципиента, направленное на духовный рост последнего)» [3, с. 96]. Следует отметить, что деятельность религиозных изданий в достаточной мере ограничена из-за направленности на верующую часть населения конкретного вероисповедания [4].

В процессе исследования основное внимание уделяется анализу заголовков (макропозиций), которые «не только организуют значения в дискурсе, но также могут быть эксплицитно выражены и таким образом предшествовать или следовать за дескрипциями низшего уровня (заголовки, вводные тематические предложения, заключения)» [5, с. 20]. Важно отметить, что при создании заголовков автор ориентируется в большей степени на контекстную модель потенциальных читателей, которые, применяя общие социальные знания, смогут интерпретировать субъективную ситуационную модель конкретного дискурса [6; 7; 9].

Источником фактического материала стала белорусская детская религиозная пресса (детский католический журнал «Маленькі рыцар Беззаганнай»).

Рассмотрим первый пример. «500 ГАДОЎ БЕЛАРУСКАМУ ДРУКАВАНУ СЛОВУ». Первая составляющая дескрипции – гранулярность, то есть «все ситуации и события (и их составляющие – предметы, люди и т. д.) могут быть описаны более или менее подробно или более или менее грубо, с большим или меньшим количеством деталей» [5, с. 17]. Приведенный выше заголовок характеризуется средней гранулярностью, событие подается довольно конкретно, автор прибегает к использованию импликаций. Адресант предполагает, что адресат способен распознать эти подразумеваемые пропозиции. Это становится очевидным при дальнейшем чтении основного информационного материала: *Вы, мабыць, ужо ведаеце, сябры, што ў будучым годзе ў Беларусі будзе шырока адзначацца вельмі значны юбілей: 500-годдзе з часу выхаду нашай першай друкаванай кнігі.* Отправитель информационного сообщения не указывает прямо на объект текста статьи (первая напечатанная книга), а «шифрует» его иносказанием “*друкаванае слова*”.

Гранулярность взаимосвязана с уровнем дескрипции. Заголовок публикации представлен с достаточно высоким уровнем обобщенной дескрипции события, которое впоследствии конкретизируется в тексте статьи: *Гэтую кнігу надрыхтаваў і надрукаваў наш слынны зямляк Францішак Скарына. І гэтая кніга «Псалтыр». Усе кнігі, аказваецца, узлі пачатак на нашай зямліз Бібліі!*

Не смотря на гранулярность и уровень дескрипции, представленные в заголовке и первой части статьи, цель автора раскрывается только в ходе дальнейшего ознакомления с ней. Эта цель подтверждается текущей интенцией продуцента, которая заключается в том, чтобы узнать, что читатели знают/слышали об объекте его статьи и предложить принять участие в конкурсе: *А што вы, сябры, ведеце пра Францішка Скарыну? Дзе ён нарадзіўся? Дзе вучыўся? Дзе друкаваў свае кнігі? Мабыць жа, некаторых з вас бачылі помнікі яму. Дзе вы іх бачылі? Прапануем вас расказаць пра тое, што вы ведаеце пра нашага першадрукара, у часпісе. І таму... УВАГА: КОНКУРС!* Следовательно, анализируемая статья содержит контекстуально новую информацию в конце пропозиции.

Рассмотрим еще несколько примеров. «*ІМ ПАТРЭБНА НАША ПАДТРЫМКА*». В данном заголовке агенс и пациенс передаются достаточно эксплицитно: агенсом (инициатором события) становится адресат (читатель), выраженный притяжательным местоимением «наша», а пациенсом (пассивным участником ситуации) – существительное «помощь» [8].

Проблема заключается в выявлении имплицитного экспериенцера (участника, на которого событие производит определенный эффект), вербализованного личным местоимением «*я*». В данном случае ментальная модель реципиента не может вывести пропозиции из своего общего знания. Экспериенцер может быть установлен только в последующем ознакомлении с материалом статьи. Лид-абзац анализируемого текста, носящий анонсный характер, выступает в виде лид-загадки, в конце которой реципиент раскрывает «объект» обсуждения: *Хто галоўны ў парафіі? Нехта скажа, што мы ўсе важныя ў вачах Пана Бога. Безумоўна! Але без гэтага чалавека любая парафія проста не можа існаваць. Вы ўжо здагадаліся, пра каго ідзе гаворка? Ну вядома, пра святара!*

Гранулярность непосредственно сообщения продуцента довольно подробна и включает достаточное количество деталей. Автор предполагает, что адресат способен распознать подразумеваемые пропозиции на основе общего знания об объекте. Синтаксическая организация текста и формы сослагательного наклонения выполняют риторическую функцию, привлекающую внимание к значимости описываемого объекта и важности прочтения текста до конца: *А хто спяваў бы на золку Рараты ды яшчэ й на лаціне? А на Вялікдзень не было б каму абвясціць, што Хрыстус заўсёды ёсць той самы: учора, сёння і наўекі!..*

Сообщение начинается с высокоуровневых дескрипций (*хто спяваў бы Рараты, не было б каму гаварыць казанні, не было б каму абвясціць*), реализующих высокоуровневые пропозиции, которые затем уточняются и

развиваются более конкретными дескрипциями, специфицирующими послание адресанта и побуждающих к действию (*як найменш прыносіць яму прыкасцяў, будзем старацца як найлепш адказваць, адгукацца на просьбы, скажаш яму «Дзякуй», вішаванне са святам, не бойся яго сказаць, працягні, будзеш маліцца за яго*).

В следующем заголовке *ЦІ ПАЧУЛІ ВЫ ПРОСЬБУ?* читатель видит темпоральный указатель, выраженный глаголом «пачулі», и пациенс (тему) сообщения, существительное «просьба», эксплицитно создающие временную когерентность. Агенсом в данном примере является сам реципиент, вербально выраженный местоимением «вы». Рема заголовка «ці пачулі вы» раскрывает интенцию адресанта, которая заключается в подтверждении «старой» и правильной интерпретации «новой» информации аудиторией. Следовательно, теоретически, чтобы интерпретировать вышеупомянутый заголовок необходимо сначала ознакомиться с предыдущей публикацией, посвященной той же «просьбе». Однако получатель (интерпретатор) статьи должен понимать, что это необязательно, и что скорректировать свою контекстную модель можно прочитав нижеизложенный материал.

Что же касается содержания статьи, первый ее абзац характеризуется локальной когерентной последовательностью пропозиций: *Напэўна ж, сябры, многія з вас удзельнічаюць у набажэнствах, якія адбываюцца ў вашых парафіях у гонар Маці Божай Фацімскай. Фігура Маці Божай з Фацімы пілігрымуе цяпер па Беларусі: ад парафіі да парафіі. Звычайна мы самі ідзем альбо едзем да Маці Божай: у Будслаў, Гудагай, Браслаў альбо ў літоўскую Вільню ці ў польскую анстахову. Вернікі любяць наведваць санктуары Маці Божай. А вось цяпер яна сама наведвае нас, сваіх дзяцей. Мы радасна сустракаем Яе: з кветкамі, песнямі, малітвамі*. При его прочтении реципиенту необходимо актуализировать свои общие знания о конкретных богослужениях (в честь Матери Божией Фатимской), чтобы суметь определить возможные его корректировки. А контекстуально новой для реципиента будет информация (пропозиция) о перевозе одной из святынь католического мира – фигуры Матери Божией Фатимской в Беларусь, триггером которой являются «пілігрымуе цяпер па Беларусі», «цяпер яна сама наведвае нас».

Далее следует параграф, раскрывающий суть микропозиции (заголовка): *Дарэчы, сябры, вы памятаеце нашу просьбу? У мінулым часопісе мы прасілі вас штодня маліцца тры разы “Вітай, Марыя...” у інтэнцыі навяртання свету. Чаму гэта так важна? Бо аб малітве прасіла нас сама Маці Божая. Наш свет увесь час скаланаюць войны, канфлікты, тэрарызм. Як жа нам ратаваць яго? Тры разы Вітай, Марыя... Памятайма пра іх, сябры!*

Необходимо подчеркнуть переход с перспективы включенных наблюдателей на участников, от которых требуется определенное действие. Важность и необходимость этого действия (произнесения молитвы) отражается в триггерах (*мы просілі вас, гэта так важна, аб малітве прасіла нас сама Маці Божая, памятайма пра іх*) и высокоуровневых дескрипциях, не нуждающихся в данном случае в уточнении: *войны, канфлікты, тэрарызм*.

Таким образом, большинство заголовков детской религиозной прессы характеризуется высоким уровнем дескрипции, зачастую без четкого указания на агентов и пациентов. В связи с этим, автор корректирует и формирует контекстную модель читателя, «наполняя» ее новейшим знанием только в следующих за ними статьях. Он взаимодействует с реципиентом и целенаправленно воздействует на него, на его духовный рост.

Литература

1. Dijk, Teun A. van. Sociocognitive discourse studies / T. A. van Dijk // Handbook of discourse analysis. – New York : Routledge, 2016 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.discourses.org/OldArticles/-Sociocognitive%20Discourse%20Studies.pdf>. – Date of access: 25.01.2021.
2. Dijk, Teun A. van. Discourse and context : A sociocognitive approach / T. A. van Dijk. – New York : Cambridge University Press, 2008. – 267 p.
3. Кулова, Л. З. Особенности религиозного дискурса в масс-медиа / Л. З. Кулова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 9. – С. 96–98.
4. Михайлов, С. А. Современная зарубежная журналистика: состояние, перспективы [Электронный ресурс] / С. А. Михайлов. – СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, факультет журналистики, 1998. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/4516310/page:13/>. – Дата доступа: 20.01.2021.
5. Ван Дейк, Т. А. Дискурс и знание / Т. А. ван Дейк // Научные ведомости БелГУ. Серия : Гуманитарные науки. – 2013. – № 13. – 5–23.
6. Шевцова, А. К. Социокогнитивный план вербализации русскоязычного публицистического дискурса / А. К. Шевцова // Современный дискурс-анализ ; гл. ред. Е.А. Кожемякин. – № 3(24). – 2019. – С. 38–44.
7. Шевцова, А. К. Теоретические основания социокогнитивного исследования медийного дискурса / А. К. Шевцова // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – VI : сборник науч. статей / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – С. 32–36.
8. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html#31>. – Дата доступа: 17.01.2021.

9. Shevtsova, A. The socio-cognitive aspect of verbalization of journalistic discourse / A. Shevtsova // Studies in Linguistics, Culture and FLT. – Volume 8. – Issue 2 : Exploring English studies: Aspects of language, culture and the media. – Shumen : Konstantin Preslavsky University of Shumen, 2020. – P. 7–18.

УДК 811.133.1'367

ФАКТОРЫ НОРМАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВЫХ ЕДИНИЦ

Кириленко Ольга Владимировна

старший преподаватель кафедры романо-германской филологии
Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье описываются факторы, участвующие в нормализации речевых единиц.

Ключевые слова: нормализация, категоризация, норма, унормированные (системные) единицы, неунормированные (речевые) единицы, социально-психологические факторы.

The article describes the factors involved in the normalization of speech units.

Keywords: normalization, categorization, norm, normalized (system) units, non-normalized (speech) units, socio-psychological factors.

В современной лингвистике непрекращающееся обращение к понятию «норма» вызвано необходимостью познания человеком окружающего мира и используемой при этом процедуры категоризации. В этой связи Е. С. Кубрякова уточняет, что «язык отражает результаты когниции как процесса, ориентированного на решение практических задач по приспособлению человека к окружающей среде, по его выживанию, по классификации данных непосредственного восприятия, по членению потока информации и т. д.» [4, с. 8]. В своей книге «Язык и знание: на пути получения знаний о языке» [5] лингвист доказывает исключительную роль языка в процессах обработки информации о мире. С этих позиций Е. В. Ерофеева углубляет понимание языка в познавательном процессе и вводит понятие нормы. Согласно ее точке зрения, в процессе категоризации происходит адаптация языковой системы к вероятностно организованной социальной среде через среднюю, типичную тенденцию, которой выступает норма, и этот процесс сопровождается отвлечением от нечастотных, нетипичных, несущественных с данной точки зрения и в данной ситуации признаков [1, с. 62]. Други-

ми словами, норма способствует реализации познания адекватно и корректно и как социолингвистическая категория фиксирует результаты познания человеком реальной действительности при помощи языка, используемого как орудие мышления [6, с. 606].

Нормализация как один из этапов категоризации понимается как процесс становления, утверждения нормы, ее описания, упорядочения языковедами [3; 8]. В ходе становления нормы наблюдается противопоставление устоявшихся кодифицированных языковых элементов, образующих литературную норму, и неунормированных речевых единиц, функционирующих в разговорной речи. Таким образом, в основе формирования или обновления языковой (литературной, кодифицированной) нормы лежит закон единства и борьбы противоположностей, основывающийся на диалектическом единстве консервативного, устойчивого и изменчивого, подвижного состояния языковой системы. Борьба перечисленных составляющих обеспечивает жизнеспособность языковой системы, которая в виде нормы призвана, с одной стороны, сохранять речевые традиции, а с другой – постоянно удовлетворять актуальным и меняющимся коммуникативным потребностям общества.

В процессе нормализации речевые единицы подвергаются действию разнообразных «сил», которые влияют на их вхождение в языковую систему. В Лингвистическом энциклопедическом словаре указано, что для признания нормативного характера речевой единицы необходимы массовая и регулярная воспроизводимость данного явления в процессе коммуникации и общественное одобрение и признание речевым коллективом соответствующего явления нормативным [6, с. 338]. Регулярная воспроизводимость вводит статистический критерий частотности, который, по мнению Л.Н. Мурзина, является основным для изменения речевого статуса единиц: «чем чаще употребляется лингвистическая единица, тем она нормативнее» [7, с. 7]. С этих позиций статистический параметр является решающим в закреплении речевых единиц в узусе и в их функционировании в речи, а также оказывает влияние на унормированные (языковые) лингвистические средства. Отсутствие частотности отсылает языковую единицу на периферию, например, во французском языке отрицательные частицы *ne ... goutte*, *ne ... miette*. Тем не менее, не исключая важности частотности, нужно отметить, что последняя не является единственным фактором нормообразования.

Частотными могут быть неунормированные, но предпочитаемые коммуникантами в определенный момент времени речевые построения. Согласно мнению В.Б. Касевича, именно языковые предпочтения, вкус и мода

являются определяющими факторами для нормализации речевых единиц: норма – это «такая характеристика системы и входящих в нее единиц, которая определяется не только, даже не столько, собственно языковыми закономерностями, сколько оценочными и вкусовыми в своей основе факторами социального характера» [2, с. 10]. В основе предпочитаемых построений лежит оценка. Оценочный аспект нормы был выявлен советским лингвистом-романистом Г. В. Степановым, который выделил аксиологическую норму [9, с. 226] на основе оценки языковых элементов с точки зрения правильности – неправильности, уместности – неуместности, эстетичности – неэстетичности и выбора одного из предоставляемых системой вариантов с учетом критерия целесообразности. В качестве примеров можно привести, согласно исследованиям французского лингвиста К. Бланш-Бенвенист, именные сочетания, активно употребляемые французами в профессиональной сфере: *est en phase de finalisation* ‘скоро закончится, находится на стадии завершения’ вместо *va bientôt être fini*; *classée en rejet* ‘будет отклонена, не будет принята’ вместо *sera rejetée*; в текстах СМИ наблюдается предпочтение сложных существительных типа *un établissement-pilote* ‘пилотируемое устройство’, *une cité-jardin* ‘градостроительная концепция город-сад’, – примеры из [10, р. 16]. Перечисленные сочетания частотны и упорядочивают социальную коммуникацию.

Кроме психологического фактора в процессе отнесения речевых единиц к нормативному полю большую роль играют социальные силы, а именно отношения между субъектами речи. В высказывании *Il va se marier* с помощью глагольного сочетания *aller se marier* в ближайшем будущем времени выражается согласие с действиями коммуниканта ‘Он собирается жениться’, и указанное значение передается при помощи средств, принадлежащих языковой норме. В высказывании *Il est allé se mettre dans une situation ridicule, impossible* действие коммуниканта осуждается ‘Он точно куда-то вляпался’ другими субъектами коммуникации, которые с помощью неунормированного речевого построения пытаются регулировать действия субъекта. При выражении социальных отношений наблюдается изменение временного значения *est allé se mettre* (прошедшее законченное время), что является показателем перехода языкового знака из языковой нормы в область социальной нормы. Данный переход маркируется нарушением временного плана. Глагольное сочетание *aller se mettre*, выражая скрытое осуждение, употребляется как имплицитный перформатив.

Итак, в отношениях между коммуникантами, в оценке, предпочтениях, выборе и фиксации языковых явлений в узусе проявляется социальный и психологический аспект нормы. На основании вышесказанного четко про-

слеживается мысль о том, что соответствие языкового построения структуре языка [6, с. 338], а значит, норме, не является основополагающим для того, чтобы оно стало нормативным, и особенности языковой системы для нормообразования являются вторичными. Этот вывод подтверждается исследованиями некоторых ученых (Е. В. Карпина, В. Э. Просцевичус). Хотя данная точка зрения оспаривается некоторыми лингвистами (О. А. Лаптева, Н. Н. Семенов, Н. С. Валгина), тем не менее, мы считаем, что употребляемая в конкретном речевом коллективе неунормированная речевая структура не может не соответствовать его языковым правилам, в противном случае она не сможет быть декодирована коммуникантами и выполнять свою коммуникативную функцию. Кроме этого, неунормированные построения должны соответствовать законам логики. Отсюда можно сделать вывод, что социально-психологические факторы являются главными в процессе нормализации речевых единиц.

Литература

1. Ерофеева, Е. В. Норма: социопсихологический и статистический аспекты / Е. В. Ерофеева // Вестн. Пермск. университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 4(16). – С. 60–65.
2. Касевич, В.Б. Еще о языковой норме / В. Б. Касевич // Язык и речевая деятельность. – 2005. – Т. 8. — С. 9–24.
3. Кириленко, О. В. О нормативности единиц разговорной речи / О. В. Кириленко // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2017 г. : материалы научно-методической конференции, Могилев, 25 января – 8 февраля 2018 г. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – С. 70–71.
4. Кубрякова, Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» / Е. С. Кубрякова // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер., Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – Вып. 1. – С. 4–10.
5. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
7. Мурзин, Л. Н. Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения / Л. Н. Мурзин // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование / Сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т языкознания, Перм. гос. ун-т им. А.М. Горького. – М. : Ин-т языкознания, 1989. – С. 5–13.
8. Нормализация и кодификация [Электронный ресурс] // Текстология: электронный образовательный журнал. – Режим доступа: <https://www.textologia.ru/russkiy/kultura-rechi/norma-literaturnogo-jazika/normalizaciya-i->

[kodifikacija/802/?n=802&q=463](#). – Дата доступа: 29.11.20

9. Степанов, Г. В. О двух аспектах понятия языковой нормы (на испанском материале) / В. Г. Степанов // Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков / под ред. М. А. Бородиной, М. С. Гурьчевой. – М. : Наука, 1966. – С. 226–235.
10. Blanche-Benveniste, C. Quel est le rôle du français parlé dans les évolutions syntaxiques? / C. Blanche-Benveniste // L'Information Grammaticale. – 2002. – № 94. – P. 11–17.